

Актуальность предпринятой Г. Кайпертом и Д. Бунчицем публикации восточнославянского разговорника XVII в. «Розмова-Бесѣда», хранящегося в Национальной библиотеке Франции, не подлежит сомнению, поскольку впервые в полном объеме издан ценный памятник славянской лингвистической мысли.

Своевременность издания определяется и тем, что внимание славистов все больше привлекают филологические сочинения – грамматики, словари, разговорники, так как эти источники дают возможность изучать одновременно и историю самого языка, и историю представлений о языке, т.е. определяют многомерность историко-лингвистических исследований.

Выбор для публикации именно данного филологического сочинения неслучаен, поскольку разговорник имеет особую научную ценность: тексты диалогов представлены в нем параллельно на двух языках, обозначенных составителем разговорника как *lingua popularis* и *lingua sacra*. Под названием *lingua sacra* выступает церковнославянский язык – литургический и литературный язык культурно-языкового пространства *Slavia Orthodoxa* и культурно-языкового пограничья, т.е. Юго-Западной Руси. Под названием *lingua popularis* слависты склонны видеть особый литературный язык Юго-Западной Руси (см., например [Успенский 2002: 400; Мозер 2002: 238–239]), получивший в современной лингвистике разное терминологическое оформление: наиболее обоснованными являются термины – «проста мова», «руська мова», поскольку эти названия использовали носители языка в XVI–XVII вв. (см. подробно [Miakishew 2000: 165]). В рецензируемом издании *lingua popularis* рассматривается как «рутенский язык» («Ruthenisch»)¹, структурно-

функциональные параметры которого не указываются. Между тем следует подчеркнуть, что структурно-функциональные особенности обоих языков, явленных в разговорнике, требуют специального научного осмысления. Так, разговорник свидетельствует о возможном использовании церковнославянского языка в качестве языка повседневного общения и отвечает параллельному употреблению церковнославянского языка и «простой мовы» (см., [Успенский 2002: 400]). Пристального внимания славистов заслуживает и *lingua popularis* в контексте изучения «простой мовы», поскольку современные ученые принципиально расходятся в определении структурно-функционального статуса «простой мовы», прежде всего в решении вопроса о «производности» «простой мовы» от польского языка, что во многом объясняется отсутствием системного описания «простой мовы». Восточнославянский разговорник во многом определяет и дискуссию о нормированности и кодифицированности «простой мовы» (см. [Мозер 2002]). Однако несмотря на очевидную научную ценность, восточнославянский разговорник не привлекал должного особого внимания славистов: исследовательская традиция включает только несколько работ украинских ученых М.А. Жовтобрюха и И.К. Белодеда, которые занимались лексическим составом памятника и пытались установить происхождение оставшегося неназванным составителя разговорника (см., например [Жовтобрюх 1978; Білодід 1979]). В связи с этим к несомненным достоинствам рецензируемой книги следует отнести и то, что в ней помимо текста разговорника и обращенных к нему справочных материалов представлен научный комментарий, содержание которого намеренно ограничено интерпретацией самого памятника. Что касается структурно-функциональных характеристик реализованных в разговорнике языков, их рассмотрению будет посвящена отдельная работа Д. Бунчица².

¹ Использованный в рецензируемом издании термин «рутенский язык» получил большее распространение в западной славистике, поскольку в практике западной дипломатии до XVIII в. современные украинские и белорусские территории назывались Ruthenia.

² См. S. XXIX.

Научный комментарий Г. Кайперта и Д. Бунчича включает несколько разделов: предисловие, в котором объясняется значение издаваемого памятника и демонстрируются ретроспективно и перспективно направления его изучения, статью, посвященную палеографическим характеристикам рукописи разговорника, статью, в которой излагаются принципы печатного воспроизведения памятника, а также статью, раскрывающую источник восточнославянского разговорника и имя его составителя. Представляется необходимым более подробно рассмотреть в рецензии именно новые данные, касающиеся источника разговорника и личности его составителя, а для этого необходимо восстановить «исследовательский путь», который прошли Г. Кайперт и Д. Бунчич.

Исходные текстологические и лингвистические изыскания позволили Г. Кайперту прийти к выводу, что восточнославянский разговорник является переводом-дополнением популярного в Европе многоязычного разговорника Берлемонта «Colloquia, et dictionariolum... linguarum», насчитывающего около 150 изданий [Keipert 2001]. Таким образом, число известных славянских переводов-дополнений достигло 5: печатный чешский перевод (Лейпциг 1602 г., 1611 г.), печатный польский перевод (Варшава 1646 г.) и три рукописных восточнославянских перевода – «русский» (см. [Keipert 1993]) и параллельные переводы в парижской рукописи – «рутенский» и церковнославянский.

Следующей исследовательской задачей стал выбор из многоязычия, представленного разговорником Берлемонта, того языка, который явился основой для восточнославянского перевода. Тщательный анализ разных вариантов разговорника Берлемонта и восточнославянского разговорника позволил установить, что восточнославянский перевод был осуществлен с латинского языка, а не со структурно и функционально близкого польского языка (возможно, в силу более раннего восточнославянского перевода – примеч. наше. Н.З.) и не с французского языка, возможного в виду предполагаемого места создания перевода.

Представленная исследователями в научном комментарии система доказательств зависимости славянского перевода от латинского оригинала включает, с одной стороны, латинские «проговорки», т.е. случайно оставшиеся непереуведенными в славянском тексте фрагменты латинского текста, а с другой стороны, мотивированные именно латинским оригиналом лексические и синтаксические особенности восточнославянского перевода, например:

а) латинские «проговорки» (S. XXVII):

Latina // Popularis – *sterne mensam et festina // за-
стели столъ et поспешайся* (P7^v), *asquesco tamen
tuis dictis et tantum esse credo // вѣрѹ еднакъ
твоемъ словамъ et* (* зачеркнуто самим состави-
телем разговорника) и *такъ веле быти ро-
зумѣю* (P34^v), *Agedum, funde hic vinum // нѹже
Agedum налий самъ вина* (P17^v);

б) лексика, мотивированная латинским оригиналом (латинский вариант сравнивается с французским и польским) (S. XXVI):

Lat.: *Decem libras flandricas* // Frz.: *dix livres de gros* // Poln.: *Dzieście olenderskich złotych* // Popularis: *Децем либръ фландрскѣ* (P67^r);

в) синтаксис (порядок слов), мотивированный латинским оригиналом (латинский вариант сравнивается с французским и польским) (S. XXVI):

Lat.: *Etiam, discit Gallice iam loqui* // Frz.: *Ouy, il apprend à parler François* // Poln.: *Tak jest uczyć się po Frâncusku mowić* // Popularis: *такъ естъ ѹчится пофранцузкѹ южъ мовити* (P17^v).

Следует обратить особое внимание на выдвинутое исследователями предположение о двух этапах перевода восточнославянского разговорника: на первом этапе был осуществлен перевод с латинского языка на язык, обозначенный как popularis, а на втором этапе «в спешке» был добавлен перевод на язык, обозначенный как sasta, но уже без обращения к латинскому оригиналу.

Признание восточнославянского разговорника переводом разговорника Берлемонта потребовало далее от исследователей выявления конкретного издания, которым воспользовался славянский переводчик. Г. Кайперт и Д. Бунчич построили своеобразную «движущуюся» систему диагностических признаков, позволяющую им поэтапно приближаться к нужному тексту. Основным диагностическим признаком явилось содержащееся в тексте восточнославянского разговорника указание на восьмизычный характер оригинала: «Тая книга барзо пожитечная естъ до читаня писана, и тежъ мовеня по фландрѣскѹ, по ангелскѹ по Немецкѹ, по латинѣ по французкѹ, по гишпанскѹ по влоскѹ и по португалскѹ» (P4^v). Дополнительными диагностическими признаками стали пометки на полях рукописи, указывающие на смену страниц в печатном источнике [Keipert 2001], согласование строк и переноса слов в рукописи и в печатном источнике, особенности перевода отдельных слов. В итоге столь напряженной и кропотливой работы из 150 изданий были выбраны 2 издания

как наиболее вероятные источники восточнославянского разговорника: «Colloquia, et dictionariolum octo linguarum», Delphis 1613, «Colloquia, et dictionariolum octo linguarum», Hagae-Comitis, 1613. С учетом новых полученных данных Г. Кайперт и Д. Бунчич посчитали целесообразным опубликовать не только восточнославянский разговорник, но и текст на языке-источнике, т.е. на латинском языке, а также текст на польском языке, чтобы продемонстрировать, насколько близок «рутенский язык» польскому языку, хотя перевод и не был осуществлен с польского текста.

Раскрытию имени переводчика восточнославянского разговорника также способствовали различные по характеру факты, которые в итоге сложились в единую доказательную систему. Анализ водяных знаков позволил ограничить время перевода периодом с 1643 г. по 1657 г., данные хронологические рамки указали на другое филологическое сочинение – грамматику Иоанна Ужевича «Граматыка словенская» [Ужевич 1970], сохранившуюся в двух списках – в списке Национальной библиотеки Франции 1643 г. и в списке библиотеки Арраса 1645 г. Существенным фактом для атрибуции разговорника явилось обращение переводчика разговорника, как и автора грамматики, к латинскому языку и представление славянского языкового материала в вариантах – *lingua popularis* и *lingua sacra*. Совпадение почерка, которым был написан разговорник, и почерка, которым была написана грамматика Иоанна Ужевича, окончательно сняло анонимность восточнославянского разговорника. Таким образом, благодаря очевидной атрибуции разговорник следует рассматривать как дополнение к грамматике Иоанна Ужевича, т.е. как единый филологический комплекс, демонстрирующий языковую систему и ее реализацию в текстах. По мнению исследователей, появившиеся в Париже в 40-х гг. XVII в. грамматика и разговорник Иоанна Ужевича предназначались для французов, желавших обучаться славянским языкам. В связи с этим представляется интересным в дальнейшем исследовать ранние славянские грамматики с точки зрения зафик-

сированной ими лингвистической рефлексии славянских книжников и иностранных книжников, лингвистической рефлексии, сформированной в рамках «своей» или «чужой» языковой ситуации.

Очевидная ценность издаваемого памятника лингвистической мысли XVII в. позволяет присоединиться к мнению Г. Кайперта и Д. Бунчича: «Möge Uževyčs Gesprächsbuch auch mehr als dreieinhalb Jahrhunderte nach seiner Entstehung das Interesse der Slavischen Philologie und der historischen Gesprächsforschung finden!» (S. VIII).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Білодід 1979 – І.К. Білодід. Києво-Могилянська академія в історії східнослов'янських літературних мов: Нариси з історії української літературної мови. Київ, 1979.
- Жовтобрюх 1978 – М.А. Жовтобрюх. Украинский разговорник XVI в. // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.
- Мозер 2002 – М. Мозер. Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica*. V. 47. № 3–4. Budapest, 2002.
- Ужевич 1970 – І. Ужевич. Грамматика слов'янська / Підг. до друку І. Білодід, Е. Кудрицький. Київ, 1970.
- Успенский 2002 – Б.А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
- Keipert 1993 – H. Keipert. Nochmals zur Kopenhagener Handschrift russischer Gespräche aus dem 17. Jahrhundert // *ZfSPh*. Bd. 53. № 1. 1993.
- Keipert 2001 – H. Keipert. «Rozmova-Besěda. Das Gesprächsbuch Slav. 7 der Bibliothéque nationale de France // *ZfSPh*. Bd. 60. № 1. 2001.
- Miakiszew 2000 – W. Miakiszew. «Мовы» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей // *Studia Russica*. 18. Budapest, 2000.

Н.Н. Запольская